

Едва Чэнь Нянь переступил порог корпуса Знаний и Действий, как на свою беду столкнулся с параллельным завучем.

— Ты из какого класса? — сурово спросил тот. Многолетняя привычка хмуриться изрезала его лоб глубокими морщинами, а ястребиный, испытывающий взгляд вынуждал невольно съёживаться.

— Из третьего, — послушно отозвался Чэнь Нянь. Он обеими руками вцепился в ляжки рюкзака, всем своим видом изображая примерного пай-мальчика.

Никто и помыслить не мог, что в портфеле этого «примерного мальчика» лежит строго запрещённый в школе планшет.

Услышав про элитный класс, завуч заметно смягчился. Скупно оглядевшись по сторонам, он разродился коротким хмыком:

— Иди. И чтобы в следующий раз без опозданий.

— Есть! Спасибо, завуч!

Чэнь Нянь вприпрыжку помчался вверх по лестнице, сияя от восторга. Неужели это и есть те самые привилегии отличников? О, он просто обожал своего брата! Не будь тот идеальным учеником, Чэнь Няню пришлось бы торчать перед закрытой дверью кабинета полчаса в качестве наказания.

Заглянув в класс, он обнаружил, что классного руководителя, Гао Цзяньчжэна, на месте нет. Впрочем, это никому не мешало: школьники с усердием зубрили материал. Когда Чэнь Нянь переступил порог, никто даже головы не поднял от учебников.

«Надо же... В элитном классе утренние занятия проходят вообще без присмотра».

Чэнь Нянь уместился на месте брата.

Шафулай перестал бубнить английские слова и повернулся к соседу. Ему хотелось спросить, почему тот опоздал, но, рассудив, что в ответ от холодной основной личности получит лишь сухую отповедь, решил промолчать.

Чэнь Нянь же, бросив портфель на парту, тяжело и запыхавшись отдувался.

Достав термокружку и сделав пару глотков, чтобы перевести дух, он устремил взгляд в окно.

Грозовые тучи густели, плотным саваном нависая над учебным корпусом. Вдали небо окрасилось в тревожный свиноцовой-серый цвет: тяжёлые клубы медленно проплывали над землей, до предела напившись влагой.

Атмосферное давление падало. В душном, обесмысленном отсутствии ветра воздухе становилось трудно дышать, и Чэнь Нянь сбросил олимпийку, оставшись в одной футболке.

— Похоже, сейчас ливанёт, — заметил он.

— В прогнозе обещали сильный ливень с грозой, — отозвался Шафулай.

— А я проспал и ничего не смотрел. Даже зонт не взял... — Чэнь Нянь не успел договорить, как прямо напротив Шафулая в оконное стекло с громким щелчком ударились тяжёлая капля. — О! Началось!

За первой каплей, словно по сигналу, обрушился целый шквал. Сумрачное утро окончательно погрузилось во тьму, будто на город вновь опустилась ночь.

Мерный гул зубрежки на мгновение сбился. Ученик, сидевший возле выключателя, протянул руку и зажгёт свет.

В кабинете поднялась невообразимая кутерьма.

Чэнь Цы поднял голову от тетради и посмотрел на окно.

— Дождь! Пошёл дождь!

Ребята, сидевшие у окон, с восторгом распахнули створки. Косой ливень, подгоняемый порывами ветра, ворвался в класс, орошая прохладными брызгами лица и форму школьников, вызывая взрывы радостного смеха.

О заучивании уроков все мгновенно забыли.

Шестнадцатилетние подростки, замерев в полумраке класса, заворожённо наблюдали за сплошной стеной воды. Никто и не думал включать электричество; ученики с дальних рядов побросали свои места и толпой высыпали к окнам, чтобы вместе полюбоваться буйством стихии, предвещавшей скорое наступление осени.

Гуй Чжици тихо прошептала:

— Как же красиво...

Чэнь Цы устремил взгляд вдаль. Пелена дождя размыла привычный пейзаж, превратив мир за окном в систему серых пятен разной степени насыщенности. В этот миг весь внешний шум словно растворился; невидимый барьер отгородил юношу от окружающих, погружая в собственные мысли.

Фу Тяньхэ, разумеется, тоже давным-давно вскочил с места.

Он радовался не меньше остальных: проливной дождь означал, что дорожки на стадионе размокнут по меньшей мере дня на три-четыре, а значит, о выматывающих тренировках можно забыть.

Впереди стоял Чэнь Цы, всё так же немисливо сосредоточенно разглядывая ливень. Заглянув ему за ухо, Фу Тяньхэ неожиданно приметил крошечную родинку.

Позвольте...

Спортсмен озадаченно замер.

Разве у Чэнь Няня есть родинка?

Все эти дни Фу Тяньхэ сидел аккуратно за ним и при каждом удобном случае вглядывался в шею соседа. Он мог поклясться, что никакой родинки там не было!

В первый день он, вероятно, просто обманулся или же Чэнь Нянь где-то испачкался.

Но почему она снова здесь?

Потерев глаза, Фу Тяньхэ, повинаясь какому-то неведомому импульсу, протянул руку и аккуратно коснулся родинки подушечкой пальца.

Прикосновение к невероятно чувствительной зоне за ухом заставило Чэнь Цы вздрогнуть. Он резко повернулся.

Фу Тяньхэ не успел убрать руку, и из-за резкого движения Чэнь Цы его пальцы сначала скользнули по мягкой, тёплой мочке уха, а затем, когда юноша чуть вскинул голову, проехали вдоль щеки до самого уголка губ.

Их взгляды встретились. Если точнее — три глаза скрестились в одной точке.

В голове Фу Тяньхэ пронеслась единственная огорошенная мысль:

«Какая у него нежная и гладкая кожа...»

Пальцы застыли. В полумраке грозового утра он уловил, как в глубине этих янтарных глаз привычный штиль сменяется отчётливым замешательством.

— Ох! — Фу Тяньхэ опомнился и в ужасе отдернул руку, заикаясь: — Э-это... У тебя там, за ухом... к-какая-то соринка была.

Чэнь Цы тыльной стороной ладони тёр место за ухом, которого только что коснулся сосед.

Зудело.

И сколько бы он ни тёр, это мгновенное, пронзительное ощущение зуда, казалось, пробилось сквозь нервные окончания прямо в душу, заставляя внутренне сжиматься.

Он редчайше позволял кому-либо прикасаться к себе — за исключением брата и отца.

Чэнь Нянь твердил, будто у него так называемая «психологическая брезгливость». Чэнь Цы допускал, что брат прав: при обычных обстоятельствах он инстинктивно избегал любого лишнего физического контакта.

Опустив взгляд на свою ладонь, Чэнь Цы не обнаружил никаких следов пыли или грязи.

Пока Фу Тяньхэ покрывался холодным потом от неловкости, на подоконник с улицы шлёпнулась насквозь промокшая, перепуганная птичка, вызвав вздох удивления у школьников.

Сидевшие у окна поспешно расступились, давая незваной гостье пройти в сухой класс.

Взъерошенный воробей влетел в кабинет и под десятками прикованных к нему взглядов приземлился аккуратно на раскрытый учебник биологии, лежавший перед Чэнь Цы.

Мокрые лапки оставили на странице тёмные расплывчатые следы, прямо поверх термина «гипоталамус».

«... Гипоталамус выделяет гонадотропин-рилизинг-гормон, воздействующий на гипофиз...»

Сделав пару неловких прыжков, воробей вспорхнул под самый потолок и укрылся за плафоном светильника.

В этот момент в класс ворвалась учительница Тянь. Ученики мгновенно, со всей возможной скоростью, разлетелись по своим местам. Сидевший с краю парень из класса кинематографии поспешно затворил окно и принялся судорожно вытирать салфетками залитый подоконник и парту.

Шум дождя за стеклом сразу приглушился.

Вспыхнул яркий свет, и в кабинете вновь разнеслось фальшивое бубнение зазубриваемых правил, хотя юные, бунтующие сердца всё ещё витали там, под проливным ливнем.

Фу Тяньхэ прищурился. Родинка за ухом юноши никуда не исчезла.

«Настоящая... Но как это понимать?»

Словно услышав его сумбурные мысли, Чэнь Цы обернулся и посмотрел на него.

Кончики ушей спортсмена мгновенно вспыхнули, и он торопливо отвёл взгляд.

С той секунды, как за окном припустил ливень, Чэнь Нянь окончательно выпал из учебного процесса.

Пользуясь отсутствием преподавателя, он непрерывно завораживающе вглядывался в пейзаж. Природа была поистине гениальным колористом: гамма оттенков выстраивалась в идеальную, совершенную гармонию. Чэнь Няню до чесотки хотелось выудить из рюкзака планшет и запечатлеть этот кадр.

В итоге он так и поступил.

Увидев, как сосед достаёт запрещённый гаджет, Шафулай на мгновение обомлел.

Но тут же до него дошло: рядом с ним сидит «вторая личность» Чэнь Цы.

Та самая, что без ума от живописи и каждый вечер занимается с ним русским языком.

Шафулай немедля шепнул:

— Осторожнее.

И, слегка подавшись назад, освободил парню удобный обзор.

Чэнь Нянь подался к стеклу, но угол оставался неудобным. Пытаясь подобраться ближе, он неизбежно навалился на соседский бок.

Вернее сказать, всем весом опустился Шафулаю на бедра.

Шафулаю показалось, будто юноша сам добровольно прыгнул к нему в объятия.

Их ноги соприкоснулись через тонкую ткань школьной формы. Шафулай мгновенно одеревенел, но Чэнь Нянь, абсолютно не замечая пикантности момента, думал исключительно о дождливом пейзаже.

Чтобы удержать равновесие и при этом дотянуться до удобной точки съемки, он без зазрения совести коленкой встал прямо на бедро Шафулая.

Бедняга даже дышать перестал. Сжав мышцы пресса и поясницы, чтобы сохранить устойчивость, он осторожно придерживал Чэнь Няня за талию руками, готовый подхватить его при малейшем качке.

Подобный трюк не мог пройти незамеченным. Во всяком случае, сидевшие сзади одноклассники всё прекрасно видели — они ведь не слепые и время от времени отрывались от книг.

Чэнь Нянь со всей дерзостью сделал с десяток снимков.

Жаль только, что никакая камера не способна в точности передать глубину тонов, видимую человеческому глазу.

К тому же, выключи кто-нибудь свет в кабинете — кадры вышли бы куда эффектнее, ведь съемка темной улицы из залитой электричеством комнаты смазывала контраст.

Тем не менее, Чэнь Нянь вполне довольным опустился обратно на стул.

Ощувив, как тяжесть с ног исчезла, Шафулай тихо перевёл дух.

— Чэнь Цы, ты зачем планшет в школу притащил? — шёпотом поинтересовался сидевший сзади староста.

— А что такого? Я же не для глупостей, — Чэнь Нянь хитро и заговорщически мигнул. — Староста ведь никому не расскажет, правда?

Школьники старших классов — давно не начальная школа, и доносами никто запятнать себя не хотел.

Завербовав старосту в число «соучастников», оставшуюся часть самоподготовки Чэнь Нянь просидел смирно.

Когда раздался звонок на перемену, Шафулай, вспомнив о его утреннем опоздании, поинтересовался:

— Ты позавтракал?

— Не-а, — Чэнь Нянь уставился на пузырящиеся лужи за стеклом. — Да ладно, от пропуска одного завтрака ещё никто не умирал.

На самом деле он судорожно соображал, как им с братом поменяться обратно.

На улице вода уже затопила асфальт выше подошвы, а он в спешке забыл захватить зонт.

«М-да... Промокнуть до нитки — значит испортить себе всё утро, да ещё и свалиться с простудой...»

Чэнь Нянь зажмурился и мысленно завел заклинание:

«Не меняемся обратно... Не меняемся обратно... Не меняемся...»

Между близнецами нередко существует необъяснимая ментальная связь.

Чэнь Цы и Чэнь Нянь не были исключением.

При всей разнице характеров они удивительно часто принимали одинаковые решения и тонко чувствовали эмоциональный настрой друг друга.

Например, если Чэнь Нянь из-за недомогания мучился бессонницей, Чэнь Цы в ту же ночь тоже гарантированно не мог сомкнуть глаз.

Чэнь Нянь был уверен, что брат поймёт его без слов.

В конце концов, прагматичный и рациональный Чэнь Цы, взвесив все «за» и «против», совершенно точно предпочтёт переждать непогоду в классе.

Пока он предавался размышлениям, сбоку раздался голос Шафулая:

— Так не пойдёт. Впереди целый блок уроков, на голодный желудок измучаешься. У меня есть зонт, я сбегая в столовую и принесу тебе еды.

<http://bllate.org/book/20665/2115949>